

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

Миф о Николае Втором* **

В числе тех еретических мыслей, которые в свое время были высказаны в моей газете, была и такая: Николай Второй был самым умным человеком России. Сейчас, восемь лет спустя, в мою фразу о Николае Втором я внес бы некоторое «уточнение»: с момента его отречения от престола в мировой политике — во всей мировой политике — более умного человека не было. Или еще точнее — или осторожнее — никто ничего с тех пор более умного

---

* Впервые: *Солоневич И. Л.* Миф о Николае Втором (в газете «Наша Страна», март-июнь 1949 г.). Печатается по: *Солоневич И. Л.* Великая фальшивка февраля. М., 2007. С. 271–301.

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — русский публицист, журналист и историк. Обучался на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Сотрудник газеты «Новое время». С началом Гражданской войны бежал из Петрограда в Киев; добывал секретную информацию для белых. После окончания войны работал в советских профсоюзах, служил спортивным инструктором в Одесском продовольственном губернском комитете. В 1926 г. переезжает в Москву. Занимал должность инспектора ВЦСПС по физкультуре и спорту. В 1932 г. вместе с сыном и братом предпринял неудачную попытку бегства из СССР через Карелию. Вскоре попытка была повторена, но закончилась арестом и заключением в Свирский лагерь. Летом 1934 г. осуществил новый побег (из лагеря), сумев перейти границу с Финляндией. С 1936 г. проживал в Болгарии, издавал газету народно-монархического направления «Голос России». После покушения, в результате которого погибла его жена, И. Г. Солоневич (в 1938 г.) переехал в Германию, где продолжил издание своей газеты (до января 1940 г.). Противник войны Германии против России, подвергался арестам и ссылке. В 1948 г. переехал в Аргентину, где начал издавать газету «Наша страна». Был выслан из Аргентины, последние годы жизни провел в Уругвае. Автор книг «Россия в концлагере» и «Народная монархия». — *Примеч. сост.*

** «Слово», 1993. № 1–2.

не сделал. Основное преимущество монархии (повторяю еще раз: я говорю только о русской монархии) заключается в том, что власть получает средний человек, и получает ее по бесспорному праву случайности; по праву рождения. Он, как козырный туз в игре, правила которой вы признаете. В такой игре такого туза и Аллах не бьет. Этот средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего, — имеет наибольшую в мире свободу суждения. Американский писатель м-р Вудсворт — бывший коммунист и потом бывший банкир (может быть, раньше банкир и только потом коммунист) — мечтал о том, как было бы хорошо, если бы на мирных и мировых конференциях заседали просто булочники, сапожники, портные и прочие — хуже Лиги Наций все-таки не было бы. Говоря очень грубо — русская монархия реализовала вудсвортовскую мечту: средний человек, по своему социальному положению лишенный необходимости «борьбы за власть» и поэтому лишенный, по крайней мере, необходимости делать и гнусности. Ошибки будет, конечно, делать и он. Но меньше, чем кто бы то ни было другой.

...Мы живем в мире втемяшенных представлений. Мы называем: Петра Первого — Великим, Александра Первого — Благословенным и Сталина — гением. Поставим вопрос по-иному.

При Петре Первом — Швеция Карла XII, которая Германией Вильгельма Второго, конечно, никак не была, — дошла до Полтавы. Александр Первый, которого история называет Благословенным, — пустил французов в Москву — правда, Наполеон был не чета Карлу. При Сталине, Гениальнейшем из всех Полководцев Мира, — немцы опустошили страну до Волги. При Николае Втором, который не был ни Великим, ни Благословенным, ни тем более Гениальнейшим, — немцев дальше Царства Польского не пустили: а Вильгельм Второй намного почище Гитлера.

При Николае Втором Россия к войне готова не была. При Сталине она готовилась к войне, по меньшей мере, двадцать лет. О шведской войне Ключевский пишет: «Ни одна война не была так плохо подготовлена». Я утверждаю: никогда ни к одной войне Россия готова не была и никогда готова не будет. Мы этого не можем. Я не могу годами собирать крышки от тубиков, и вы тоже не можете. Я не хочу маршировать всю жизнь, и вы тоже не хотите. А немец — он может. В 1914 году Германия была, так сказать, абсолютно готова к войне. Это был предел почти

полувековой концентрации всех сил страны. Это было как в спортивном тренинге: вы подымаете ваши силы до предела вашей физиологической возможности. Больше поднять нельзя, и нельзя держаться на этом уровне. Нужно: или выступить, или отказаться от выступления. Так было и с Германией Вильгельма. С Германией Гитлера был почти сплошной блеф.

Поэтому война с Германией была неизбежна. Это знал Николай Второй, и это знали все разумные и информированные люди страны — их было немного. И их травил интеллигенция... Войну с Японией мы прозевали и потом проиграли. В общем, она была повторением Крымской войны: чудовищные расстояния между страной и фронтом, морские коммуникации противника и — о чем историки говорят глухо или не говорят вовсе — фантастический интендантский грабеж. В Крымскую войну пропивалась даже «солома для лазаретов», а в японскую целые дивизии сражались с картонными подметками к валенкам. В Крымскую войну этим промышляли сыновья декабристов, в японскую — их правнуки. В мировую Великий Князь Николай Николаевич вешал интендантов пачками: воровства не было.

Итак — неизбежная, но прозванная война, недооценка противника, 8 тысяч верст по единственной и еще недостроенной железной дороге (японцы так и начали войну — пока дорога еще не достроена), никаких особых неудач, середняцкое командование — героическая армия — и, как в 1917 году, «кинжал в спину победы» — тыловые части российского интендантства. Русская революционная интеллигенция идет на штурм. Революция 1905 года. В революции 1917 года немецкие деньги ясны. О японских деньгах в революции 1905 года наши историки говорят так же глухо, как и о задушевных планах декабристов. Или — о письме Бакунина Царю.

Словом: соединенными усилиями японцев, интендантства и интеллигенции война проиграна. Наступает «Дума народного гнева». Дума народного гнева, и также и ее последующее перевоплощение, отклоняет военные кредиты: мы — демократы, и мы военщины не хотим. Николай Второй вооружает армию путем нарушения духа Основных Законов, в порядке 86-й статьи. Эта статья предусматривает право правительства в исключительных случаях и во время парламентских каникул проводить временные законы и без парламента, с тем чтобы они задним числом вносились бы на первую же парламентскую сессию. Дума распускалась

(«каникулы»), и кредиты на пулеметы проходили и без Думы. А когда сессия начиналась, то сделать уже ничего было нельзя.

Так вот: одним из самых основных воителей против вооружения русского солдата был проф. П. Н. Милюков. И когда выяснилась недостаточность этих пулеметов, то именно профессор П. Н. Милюков обвинил Николая Второго в «глупости или измене».

М. О. Меньшиков был прав: с 1906 до 1914 года «пулеметы» были самой важной проблемой государственного существования России. По плану Николая II перевооружение русской армии и пополнение ее опустевших арсеналов должно было завершиться в 1918 году.

Русско-германская война началась в 1914 году по той же причине, как русско-японская в 1905-м: пока не был закончен великий сибирский путь и пока не было кончено перевооружение русской армии. Только и всего. Япония не могла ждать, как не могла ждать и Германия. Как в 1941 году не мог больше ждать и Гитлер.

Итак: началась война. Правительство Николая Второго наделало много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, это особенно видно. Тогда, в 1914-м, это, может быть, так ясно не было. Основных ошибок было две: то, что призвали в армию металлистов, и то, что не повесили П. Н. Милюкова. Заводы лишились квалифицированных кадров, а в стране остался ее основной прохвост. В день объявления войны П. Н. Милюков написал в «Речи» пораженческую статью, «Речь» все-таки закрыли; потом Милюков ездил извиняться и объясняться к вел. кн. Николаю Николаевичу, и тот сделал ошибку: «Речь» снова вышла в свет, а Милюков снова стал ждать «своего Тулона». Тулон пришел в феврале 1917 года.

Это были две основные ошибки. Правда, в те времена до «мобилизации промышленности» люди еще не додумались, а политических противников вешать принято не было: реакция. Впрочем, своего сэра Кэзмента англичане все-таки повесили. Поплакали, но повесили.

В 1939 году Сталин с аппетитом смотрел, как немцы съели поодиночке: Польшу, Голландию, Бельгию и, главное, Францию. И — остался со своим другом, с глазу на глаз. В 1914 году положение на французском фронте было, собственно, таким же, как и в 1940-м: Жоффри расстреливал целые дивизии, чтобы

удержать их на фронте. Германская армия двигалась с изумительно той же скоростью, как и в 1871-м, и в 1940-м. Русские реакционные железные дороги справились с мобилизацией армии на две недели раньше самого оптимистического расчета русского генерального штаба. И самого пессимистического расчета германского генерального штаба. Но наша мобилизация закончена все-таки не была: расстояния. Николай II — по своей Высочайшей инициативе — лично по своей — бросил самсоновскую армию на верную гибель. Армия Самсонова погибла. Но Париж был спасен. Была спасена, следовательно, и Россия — от всего того, что с ней в 1941–1945 годах проделали Сталин и Гитлер. Ибо если бы Париж был взят, то Франция была бы кончена. И тогда против России были бы: вся Германия, вся Австрия и вся Турция. Тогда дело, может быть, не кончилось бы и на Волге.

Я еще помню атмосферу этих дней. Паника. Слухи. Измена. Глупость. Мясоедов, Сухомлинов, Распутин. Потом — после войны — Фош и Черчилль с благодарностью вспоминали «глупость или измену», которая спасла Париж, спасла союзников — и чуть-чуть было не спасла Россию...

Потом — война зарылась в землю. Русские, немецкие, французские, английские и прочие военные полуспецы, пишущие военные истории, разбирают военные ошибки: Жоффра и Фоша, Николая Николаевича и Алексева, Николая Второго и Черчилля, Гинденбурга и Людендорфа. Я стою на той точке зрения, что все это не имеет вовсе никакого значения. И по той совершенно простой причине, что на всех фронтах были одинаковые генералы, делавшие одинаковые ошибки, и что в конечном счете эти генералы и эти ошибки выравнивались автоматически. Сегодня — запоздал Ренненкампф, завтра — запоздает Макензен. Не судят, конечно, только победителей. Нужно же иметь символ победы. Или, в противном случае, нужно же иметь козла отпущения. Иногда, впрочем, роли несколько перемешиваются: жертва поражения становится символом грядущей победы: так случилось с нашими декабристами... Так вот: война. И еще до нее, после Столыпина, — начало перековки русской интеллигенции. Осенью 1912 года у нас в университете еще были забастовки и «беспорядки». И еще вмешивалась полиция. Зимой 1913/14 года мы уже обходились и без полиции — мы просто били социалистов по зубам. Это было, конечно, некультурно. Но, странным образом, это помогало лучше, чем полиция. Полу-

чивши несколько раз по морде, центральные комитеты и члены центральных студенческих комитетов РСДРП и СР как-то никли и куда-то проваливались. Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы — добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть: правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости. Не думаю, чтобы когда бы то ни было и где бы то ни было существовало правительство, которое держало бы свою интеллигенцию в такой золотой ватке и была бы интеллигенция, которая так гадила бы в эту ватку. Но уже и до 1914 года был перелом. В 1914 году наступил геологический сдвиг. Что было делать Николаю Второму и что было делать Милюкову? Снарядов не было все равно. И никакой энтузиазм не мог накопить их раньше, чем года через два. Союзных поставок не было вовсе — мы были начисто отрезаны от внешнего мира. Стали строить заводы военного снаряжения и в непотребно короткий срок построили Мурманскую железную дорогу — кстати: в свое время постройка Сибирского пути шла почти в полтора раза скорее, чем современная ей постройка Тихоокеанского пути. «Стратегия войны» была проста до очевидности: нужно как-то продержаться. К тому именно времени относится почти анекдотический визит американской комиссии на русские военные заводы. Комиссия должна была их инспектировать. Комиссия осмотрела казенные военные заводы и довольно поспешно уехала обратно в США: наши заводы оказались очень новы и очень нужны и для США. В своей книге о социализме я ставлю и такой вопрос: казенные заводы были казенными заводами, то есть предприятиями социалистического типа. Нигде во всей русской литературе я не нашел не только ответа на вопрос, но даже и вопроса: чем объяснить их блестящую работу? Этим наша «наука» не поинтересовалась. А может быть, и некоторый процент «социализма» был бы вовсе не так утопичен именно при «самодержавии»...

Имейте в виду: все эти годы я провел в качестве репортера. Может быть, мне когда-нибудь удастся написать о том, как шла в России настоящая борьба за власть: не о декоративных заседаниях, комиссиях, блоках, соглашениях, программах, обещаниях, восклицаниях и прочем, а о том, что совершалось

на низах: в казармах, на заводах, на Обводном канале, в полицейских участках и ночлежках. Так, например, последние предреволюционные месяцы я был рядовым лейб-гвардии Кексгольмского полка. Это был не полк, и не гвардия, и не армия. Это были лишённые офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их было до трехсот. Как могло правительство проворонить такие толпы? Летом 1917 года я говорил об этом Б. Савинкову — он тогда был военным министром. Савинков обозвал меня паникером.

Что было делать Николаю Второму? Только одно: готовить победу. Что было делать П. Н. Милюкову — только одно: срывать победу. Ибо, если бы конец 1917 года, как на это рассчитывал Николай Второй, принес России победу, — то карьера П. Н. Милюкова и вместе с ней все надежды и все упования русской революционной интеллигенции были бы кончены навсегда. «Пятидесятилетний план» Николая Второго, его деда и его отца. Его предков и его предшественников был бы «выполнен и перевыполнен». Россия одержала бы победу — под личным командованием царя. При каком бы то ни было участии русского царя в какой бы то ни было «лиге наций» ничего похожего на женевский публичный дом не было бы возможно. При консолидированной России — никакой Гитлер не попер бы на Вторую мировую войну Гитлер так и писал — «русская революция есть для нас указующий перст Провидения» — Провидение подвело. В 1930-х годах при соблюдении довоенного промышленного темпа Россия приблизительно «обогнала» бы США — не по всем показателям, но по очень многим...

1916 год был последним годом интеллигентских надежд. Все, конечно, знали это — и союзники, и немцы, знал это, конечно, и Милюков, что армия наконец вооружена. Что снаряды уже в избытке и что 1917 год будет годом победы: над немцами и над революцией. Но тогда — конец. Не только для Милюкова, но и для всей интеллигентской традиции. Ибо она, эта традиция, будет разгромлена не только фактически — победой, одержанной без нее, — но и принципиально: будет доказано, что процветание, мир и мощь России достигнуты как раз теми антинаучными методами, против которых она боролась лет двести подряд, и что ее методы, научные и философские, не годятся никуда и что, следовательно, она и сама никуда не годится.

То, что в России произошло 19 февраля 1861 года, с «научной» точки зрения есть чудо: вмешательство надклассовой личной воли в самый страшный узел русской истории. Что, если путем такого же «чуда» и Царь, и народ найдут пути к развязыванию и других узлов? Ведь вот — уже при министерстве С. Ю. Витте Николай Второй повелел разработать проект введения восьмичасового рабочего дня — восьмичасового рабочего дня тогда еще не было нигде. Этот проект был пока что утопичен, как был утопичен и манифест Павла Первого об ограничении барщины тремя днями в неделю. Но он указывал направление и ставил цель. Направление было указано верно, и шестьдесят лет спустя цель была достигнута.

Что, если русское самодержавие достигнет русских целей и без Милюкова? Или человечество — человеческих целей и без Сталина? 1916 год был двенадцатым часом русской революции и русской революционной интеллигенции: или сейчас, или никогда. Завтра будет уже поздно...

И вот российская интеллигенция бросилась на заранее подготовленный штурм. Вся ее предыдущая вековая деятельность выяснила с предельной степенью ясности: ни за каким марксизмом, социализмом, интернационализмом — ни за какой философией русская масса не пойдет.

Вековая практическая деятельность социалистических партий доказала с предельной степенью наглядности: никакая пропаганда против царской власти не имеет никаких шансов на успех, и рабочие и, тем более, крестьянство такой, пропагандой только отталкиваются — центральные комитеты СД и СР партий рекомендовали своим агитаторам ругать помещиков и фабрикантов, но совершенно обходить закон о царе — революцию можно было провести только под патриотическим соусом. Он был найден.

Кто начал революцию? Думаю, что принципиально ее начал патриарх Никон: первой инъекцией иностранной схоластики в русскую жизнь. Его поддержал правящий слой, жаждавший привилегий по шляхетскому образцу. В 1914–1917 годах самое страшное изобретение революции было сделано петербургской аристократией. Это — распутинская легенда. Напомню: он был единственным, кто поддержал жизнь Наследника престола, который был болен гемофилией. Против гемофилии медицина бессильна. Распутин лечил гипнозом. Это была его единственная функция — никакой политической роли он не играл. При рож-

дении — и при почти конце этой легенды — я присутствовал сам. Родилась она в аристократических салонах — русская аристократия русской монархии не любила очень — и наоборот. В эмигрантской литературе были и подтверждения этого расхождения. Эмигрантский военный историк Керсновский, идеолог офицерства — или еще точнее — офицерской касты — писал: «Сплетня о царице — любовнице Распутина родилась в “великосветских салонах”». За эту сплетню милюковцы ухватились руками и зубами: это было именно то, чего не хватало. «Проклятое самодержавие» на массы не действовало никак. Но царица — изменница и шпионка, и любовница пьяного мужика. И царь, который все это видит и терпит. И армия, которая за все это платит кровью?

Санкт-Петербург как истерическая баба. Трибуна Государственной Думы стала тем же, чем сейчас для товарища Молотова служит трибуна всех конференций: не для организации мира, а для разжигания революции. Милюков гремел: «Что это — глупость или измена?» Военная цензура запрещала публикацию его речей — они в миллионах оттисков расходились по всей стране. Я никак не думаю, чтобы они действовали на всю страну. Но на Петербург они действовали. Возьмите в руки Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона — т. 65, стр. 270. Там сказано: «Иностранческое население живет около столицы, окружая ее плотным кольцом и достигая 90% общего числа населения. По переписи 1891 года — 85% (восемьдесят пять процентов) указали русский язык в качестве НЕ родного языка».

Но даже и Санкт-Петербург — город с тремя именами, чужой город на чужом болоте был только одним из симптомов. Уже в Смутное время семибоярщина советовала полякам вырвать царский престол из Москвы и унести его куда-нибудь подальше. Этот проект и был реализован при Петре — один из вариантов европейского разгрома русской государственной традиции. Страна в истерике не билась. Но в Петербурге, куда всякие милюковцы собрались «на ловлю счастья и чинов», денег и власти, — все равно каких денег и какой власти, — в Петербурге была истерика. В марте 1917 года толпы шатались по городу («с красным знаменем вперед — обалделый прет народ») и орали «ура» — своим собственным виселицам, голоду, подвалам и чрезвычайкам.

Итак: лозунг был найден. Патриотический и даже антимонархический, что и было нужно. Царь — дурак, пьяница и тряпка.

У него под носом его жена изменяет с изменником Распутиным, он ничего не видит, царя нужно менять.

Напомню о том, что классической формой русского народного представительства были Соборы. То есть деловое представительство, а не партийное. Напомню и еще об одном обстоятельстве: англо-американский парламентаризм есть внепартийный парламентаризм. По закону и традиции в парламент попадает тот, кто получил хотя бы относительное большинство голосов — это создает систему двух партий, из которых ни одна не имеет никакой программы. Работа партии м-ра Эттли — это первый в истории Великобритании опыт превращения отсталого английского острова в передовую европейскую страну. До этого ни тори, ни виги, ни консерваторы, ни либералы не имели никаких программ. Не имеют их ни республиканцы, ни демократы в США. Не имели программ и русские Соборы. В первую же Государственную Думу хлынули десятки партий и революционных программ. Дума пришла — и положила ноги на стол. Ее разогнали — без всякого ущерба для кого бы то ни было. Но не было использовано предостережение нашего единственного теоретика монархии — бывшего террориста Льва Тихомирова. Он писал, что в положении о Государственной Думе «национальная идея отсутствует, так же как и социальная», — нет органической связи с жизнью страны. До Тихомирова — после манифеста 1861 года — Ю. Самарин писал: «Народной конституции у нас пока быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, есть ложь и обман». Так наша Дума и оказалась: ложью и обманом.

Монархия без народного представительства работать не может. Это было ясно Алексею Михайловичу и Николаю Александровичу. Но Николай Александрович поддался теориям государственного права и допустил перенос на русскую точку зрения западноевропейского парламентаризма, который и у себя на родине, в Западной Европе, успел к этому времени продемонстрировать свою полную неспособность наладить нормальный государственный быт. Лев Тихомиров предлагал народное представительство по старомосковскому образцу: церковь, земство, купечество, наука, профессиональные союзы, кооперация промысла и прочее. То есть представительство, органически связанное с органически выросшими общественными организациями. Вместо этого мы получили монопольное представительство интеллигенции, начисто оторванной от народа, «беспочвенной», книжной, философски

блудливой и революционно неистовой. В Государственную Думу первого созыва так и попали наследники «Бесов» и Нечаева, сотоварищи Азефа и Савинкова, поклонники Гегеля и Маркса. Никому из них до реальной России не было никакого дела. Они были наполнены программами, теориями, утопиями и галлюцинациями — и больше всего жаждой власти во имя программ и галлюцинаций. А может быть, и еще проще: жаждой власти во имя власти. Современное НКВД с изумительной степенью точности воспроизводит на практике теоретическое построение Михайловского и Лаврова — художественно отраженное в «Бесах». Я более или менее знаю личный состав НКВД. Только окончательный идиот может предполагать, что у всех этих расстрельщиков есть какая бы то ни было «идея».

Вот — от всего этого нас всех и пытался защищать Николай Второй. Ему не удалось. Он наделал много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, они кажутся нам довольно очевидными — тридцать лет тому назад они такими очевидными не казались. Но нужно сказать и другое: история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности: нужно было бороться и с остатками дворянских привилегий, и со всей или почти со всей интеллигенцией. Имея в тылу интендантов и интеллигентов, нужно было бороться и с Японией, и с Германией. И между «царем и народом» существовала только одна, одна-единственная связь — чисто моральная. Даже и Церковь, подорванная реформами Никона и синодом Петра, Церковь, давно растерявшая свой морально-общественный авторитет, давным-давно потеряла и свой собственный голос. Сейчас она служит панихиды. Тогда она не шевельнула ни одним пальцем. Никто, впрочем, не шевельнул. Так был убит первый человек России. За Ним последовали и вторые, и десятые: до сих пор в общем миллионов пятьдесят. Но и это еще не конец...

Проблема русской монархии и Николая Второго в частности — это вовсе не проблема «реформы правления». Для России это есть вопрос о «быть или не быть». Ибо это есть вопрос морального порядка, а все то свое, что Россия давала или пыталась дать миру и самой себе, — все то, на чем реально строилась наша история и наша национальная личность, было основано не на принципе насилия и не на принципе выгоды, а на чисто моральных исходных точках. Отказ от них — это отказ от самого себя. Отказ от монархии есть отказ от тысячи лет нашей истории».

Если рассматривать вещи с точки зрения, допустим, А. Ф. Керенского, то эта тысяча лет была сплошной ошибкой. Сплошным насилием над «волей народа русского», выраженной в философии Лейбница, Руссо, Сен-Симона, Фурье, Гегеля, Канта, Шеллинга, Ницше, Маркса и бог знает кого еще. Разумеется, всякий Лейбниц понимал «волю русского народа» лучше, чем понимал это сам русский народ. Если мы «станем на такую точку зрения, то тогда нужно поставить крест не только надо всем прошлым, но также и надо всем будущим России: если одиннадцать веков были сплошной ошибкой и сплошным насилием, то какой Лейбниц сможет гарантировать нам всем, родства не помнящим, что в двенадцатом веке будет мало-мальски лучше — даже и в том невероятном случае, если рецепты Лейбница будут применены без конкуренции со стороны других рецептов, рожденных органами усидчивости других властителей дум. Если за одиннадцать веков своего существования нация не смогла придумать ничего путного, то какое основание предполагать, что в двенадцатом или пятнадцатом она найдет что-то путное в картотеке очередного аспиранта на кафедре философской пропедевтики?

Русская история, при всей ее огромности, в сущности, очень проста. И если мы будем рассматривать ее не с философской, а с научной точки зрения — даже и отбрасывая в сторону какие бы то ни было «эмоции», то на протяжении одиннадцати веков мы можем установить такую связь явлений:

Чем было больше «самодержавия», тем больше росла и крепла страна.

Чем меньше было «самодержавия», тем стране было хуже. Ликвидация самодержавия всегда влекла за собою катастрофу. Вспомним самые элементарные вещи.

Расцвет Киевский Руси закончился ее почти феодальным «удельным» разделом, то есть ликвидацией самодержавной власти — Киевскую Русь кочевники смели с лица Земли.

После смерти Всеволода Большое Гнездо самодержавие никнет опять и Россия попадает под татарский разгром.

Прекращение династии Грозного вызывает Смутное время.

Период безвластных императриц организует дворянское крепостное право.

Свержение Николая Второго вызывает рождение колхозного крепостного права.

Итак: в течение одиннадцати веков лозунг «Долой самодержавие!» был реализован пять раз. И ни одного разу дело не обошлось без катастрофы.

Это, может быть, и не совсем «наука». Но есть все-таки факт. Целая цепь фактов, из которых при некотором напряжении нормальных умственных способностей можно было бы извлечь и некоторые политические уроки. Я очень боюсь, что русская интеллигенция этих уроков не извлекла. Между ней и действительностью висит этакий бумажный занавес, разрисованный всякими небылицами. И всякая небылица кажется ей реальностью. И всякая мода — законом природы.

Около ста лет тому назад французский политический мыслитель Токвиль писал: «Нет худших врагов прогресса, чем те, кого я бы назвал “профессиональными прогрессистами”, — люди, которые думают, что миру ничего больше не требуется, как радикальное проведение их специальных программ». Русская интеллигенция в своей решающей части вот и состояла из «профессиональных прогрессистов». И у каждого была «специальная программа», и каждый был убежден в том, что миру ничего больше не требуется. На путях к реализации всех этих программ стояла традиция, в данном случае воплощенная в царе. Русская профессионально прогрессивная интеллигенция ненавидела царя лютой ненавистью: это именно он был преградой на путях к невыразимому блаженству военных поселений, фаланстеров, коммун и колхозов. Профессионально-прогрессивная интеллигенция была профессионально-прогрессивной: она с этого кормилась. Верхи русской культуры к этой интеллигенции собственно никакого отношения не имели. От Пушкина до Толстого, от Ломоносова до Менделеева — эти верхи были религиозны, консервативны и монархичны. Среди людей искусства были кое-какие отклонения — вот вроде толстовского Николая Палкина. Среди людей науки, кажется, даже и отклонений не было. Но эти верхи «политикой не занимались» — политика была в руках профессиональных прогрессистов, революционеров, нечаевых, савинковых, милюковых и азёфов. Профессионалы давали тон. Я очень хорошо знаю быт дореволюционной сельской интеллигенции. Она жила очень плотно и сытно. Всем своим нутром она тянулась к Церкви и к царю. Все «Русские Богатства» настраивали ее против Церкви и против царя. Но «Русские Богатства» были, конечно, прогрессом. Церковь и царь были, конечно, реакцией.

Так шаталось сознание низовой интеллигенции. Так оно было разорвано на две части: в одной был здоровый национальный и нравственный инстинкт, в другую целыми толпами ломались властители дум. И люди не знали, что почать: «ложиться спать или вставать». Подымать агротехнику и тем подрывать возможности «черного передела» или агитировать за черный передел и для этого тормозить агротехнику как только можно. Нужно ведь революционизировать деревню. Так оно и шло, через пень колоду.

Но низовая интеллигенция была искренняя. С моей личной точки зрения, властители дум были почти сплошной сволочью — в буквальном смысле этого слова. Они в общем делали то же, что в эмиграции делали профессора Милюков и Одинец: звали молодежь на каторжные работы и сами пожинали гонорары. Молодежь бросала бомбы или возвращалась в СССР, и ее «жертвы» властители дум записывали на свой текущий счет. Никто из них повешен не был, и почти никто не попал даже и на каторгу. Что же касается ссылки, то она играла решительно ту же роль, как развод для киноартистки: реклама, тираж и гонорары.

* * *

Известные представления всасываются с млеком всех философских ослиц. Они становятся частью и умственного и — что еще хуже — эмоционального багажа: «Старый режим», «тюрьма народов», «кровавое самодержавие», «отсталая царская Россия» — вся эта потертая мелкая и фальшивая монета котируется на интеллигентском черном и красном рынке и сейчас. Не совсем по прежнему паритету, но все-таки котируется. Да, конечно, так плохо, как при Сталине, не было и при старом режиме. Даже при старом режиме. Но зачем же возвращаться к «старому режиму». Попробуем новый. Какой новый? А какой-нибудь. По Иванову, Петрову, Степову. По Бердяеву, Шестову, Сартру. Или по Бухарину, Левицкому. Или по Махно, Григорьеву, Улялаеву. Только не по живому опыту одиннадцати веков.

В наших русских условиях на страже настоящего прогресса стояла монархия — и только она одна. Это она защищала Россию от таких прогрессивно мыслящих людей, как Батый или Наполеон, и от таких философски образованных рабовладельцев, каким был вольтерианский помещик или марксистский чекист. И в те периоды, когда монархия слабела, для России наступала

катастрофа. Это есть очевидный исторический факт. Носители прогрессизма делали, делают и будут делать все от них зависящее, чтобы эту очевидность замазать или по крайней мере извратить. И у всякого из них будет своя «специальная программа», рожденная в схоластической реторте, как был рожден гетевский Гомункулус. И у всякого будет своя специальная галлюцинация. Иногда — и по несколько галлюцинаций...

Николай Второй есть факт, взятый, так сказать, вдвойне. И как личность и как представитель традиции. Он — средний искренний человек; «со средними способностями», верно и честно — до гробовой доски — или до Ипатьевского подвала делал для России все, что он умел, что он мог. Никто иной не сумел и не смог сделать больше. Его «убрали». Но хотя и не таким способом, были убраны и Вильгельм, и Клемансо, и Вильсон, и даже тот же Черчилль, но всем им была дана возможность довести русскую победу до западного ее конца. Для России никто не делал и не сделал больше, чем сделали ее цари. Но и для всего мира никто не делал и не сделал больше, чем сделали они. Николая Первого звали жандармом, и Александра Третьего называли «Миротворцем» — в сущности, оба названия совпадают. Все они — от Александра Первого до Николая Второго — честно хотели мира и для мира могли сделать больше, чем кто бы то ни было другой. Совершенного мира не было и при них, но без них мира стало намного меньше. И их ненавидели все, кто в грядущей каше «эпохи войн и революций» видел спиритическую материализацию своих философских призраков. С их памятью будут бороться все те, кто строит новые призраки и на этих новых призраках планирует строить свою власть. И все те, кто против монархии, есть сторонники своей власти. Во имя своего призрака. Может быть, с нас всех всего этого уже хватит?

Проблема Николая Второго, как и проблема русской монархии вообще, есть главным образом, моральная проблема. Это не вопрос о «форме правления», «конституции», «реакции», «прогессе» и всяких таких вещах. Это есть вопрос о самой сущности России. О нашем с вами духовном «я».

Что в самом деле может предложить Россия миру? Самую современную систему канализации? В этом отношении мы никогда не сможем конкурировать с немцами. Самую совершенную систему накопления долларов? Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с американцами. Самую лучшую

систему торговли с людоедами? Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с англичанами. Мы всегда будем отставать и в канализации, и в долларах, и в людоедах. Просто потому, что и канализация, и доллары, и людоеды интересуют нас меньше, чем немцев, американцев и англичан. «Не имей сто рублей, но имей сто друзей». Нас главным образом интересуют человеческие отношения с людьми. И, в общем, при всяких там подъемах и спадах человеческих отношений человека к человеку в России было больше, чем где бы то ни было. И, в общем, наша Империя отличается от всех иных именно тем, что от времени колонизации волжского междуречья до 1917 года в этой империи не было завоеванных народов. В этой «тюрьме народов» министрами были и поляки (гр. Чарторийский), и грек (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на бакинской нефти делали деньги порабощенные Манташевы и Гукасовы, а не поработители Ивановы и Петровы. В те времена, когда за скальп индейца в Техасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в три доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле. Была «завоевана», например, Финляндия. С Финляндией получился фокус, какого никогда с сотворения мира не было: граждане этой «окраины» пользовались всеми правами русского гражданства на всей территории Империи, а все остальные граждане всей остальной Империи не пользовались всеми правами в Финляндии. В частности, Финляндия запретила въезд евреев по какому бы то ни было поводу. Это в свое время ставило перед нашими профессиональными прогрессистами истинно головоломную задачу: защищая независимость Финляндии, им приходилось защищать и еврейское неравноправие. Вообще, если вы хотите сравнивать быт тюрьмы и быт свободы, то сравните историю Финляндии с историей Ирландии.

Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, какие когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человечная государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрыть.

Тогда придется сказать, что не Николаю Второму нужно было учиться у Гегеля, а Гегелям нужно было учиться у Николая Второго. Этого не может признать никакой приват-доцент. Ибо что же он будет жрать без Гегеля? И чем будет он соблазнять свое пашлычное стадо?

В течение одиннадцати веков строилось здание «диктатуры совести». Люди, которые это здание возглавляли, были большими рабами этой совести, чем кто бы то ни было из нас. Они несли большие потери, чем пехота в первой, мировой войне: из шести царей — от Павла I до Николая II — три погибли на посту: Павел I, Александр III и Николай II — ровно пятьдесят процентов. И Павел, и Александр, и Николай были убиты, конечно, вовсе не за реакцию, сумасшествие, проигрыш войны и прочее: они все были убиты главным образом за русское крестьянство. Павел начал его освобождение, Александр — кончил, и Николай ликвидировал последние остатки неравноправия. Павла объявили сумасшедшим. В моей книге я привожу все его законодательные мероприятия, среди всех них нет ни одного неразумного, ни одного реакционного, ни одного, под которым мы и сейчас, полтора десятилетия спустя, не могли бы подписаться обеими руками. Но его сделали сумасшедшим, как Александра Второго реакционером и Николая Второго — пьяницей и дураком. Это было необходимо для вящей славы науки. И НКВД.

Русский царизм был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. «Диктатура совести», как и совесть вообще, не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта «наука» пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права в истории Московской Руси и даже петербургской империи ничего нельзя было понять — русская наука ничего и не поняла. В «возлюби ближнего своего, как самого себя» никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?

Я должен сознаться совершенно откровенно: я принадлежу к числу тех странных и отсталых людей, русских людей, отношение которых к русской монархии точнее всего выражается ненаучным термином: любовь. Таких же, как я, чудаков на русской земле было еще миллионов под полтора. Под полтора миллионов есть их и сейчас. Нужно, кроме того, сказать, что термин «любовь», во-первых, страшно затрепан и, во-вторых, совершенно неясен. Любовь к Богу и любовь к севрюжине с хреном, совершенно очевидно, обозначают разные вещи. Я очень охотно могу себе представить, что ряд русских монархистов питали и питают к монархии точно такие же чувства, как и к севрюжине: хороша была севрюжина! К числу этих людей я не принадлежу: никаких севрюжин у меня в царской России не было. Как не было их и у остальных полтора миллиона чудаков. Мы были самым бедным народом Европы или, точнее, самыми бедными людьми Европы. И в то же время мы были самыми сильными людьми мира и самым сильным народом истории. Мы были бедны потому, что нас раз в лет сто жгли дотла, и мы были сильны потому — и только потому, что моральные соображения у нас всегда перевешивали всякие иные. И если люди в течение одиннадцати веков обломали всех кандидатов в гениальные и гениальнейшие — от обрвов до немцев и от Батыя до Гитлера, то потому и только потому, что в России они видели моральную ценность, стоящую выше их жизни. Ценность, стоящая выше жизни, может быть историей или религией. Можно, конечно, доказывать, что все одиннадцать веков русский народ пребывал в состоянии перманентной истерики и, как истерическая баба, требовал над собою кнута. Эту точку зрения очень охотно разрабатывала немецкая общественная мысль. Если судить по д-ру Шумахеру, то истоки этой мысли не иссохли и сейчас.

Стоя на общепринятой научной точке зрения, мы можем сказать, что русский Царь был «властителем» над ста восемьюдесятью миллионами «подданных». Юридически это будет более или менее верно. Психологически это будет совершеннейшим вздором. Русский Царь был единственным в России человеком, который не имел свободы совести, ибо он не мог не быть православным, не имел свободы слова, ибо всякое его слово «делало историю», и не имел даже свободы передвижения, ибо он был, конечно, русским царем.

Да, цари жили во дворцах. Это кажется очень соблазнительным для людей, которые во дворцах не живут. Люди, которые по долгу службы обязаны иметь дворцы, предпочитают из них удирать. Николай Второй не стоял, конечно, в очередях за хлебом и икрой, — я сильно подозреваю, что даже и м-р Уинстон Черчилль имеет в своем распоряжении что-то, кроме официальных 2500 калорий, полагающихся по карточкам... Николай Второй был, вероятно, самым богатым человеком в мире. Ему «принадлежал», например, весь Алтай. На Алтае мог селиться кто угодно. У него был цивильный лист в 30 миллионов рублей в год: революционная пропаганда тыкала в нос «массам» этот цивильный лист. И не говорила, что за счет этих тридцати миллионов существовали императорские театры — с входными ценами в 17 копеек — лучшие театры мира, что из этих тридцати миллионов орошались пустыни, делались опыты по культуре чая, бамбука, мандаринов и прочего, что на эти деньги выплачивались пенсии таким друзьям русской монархии, как семья Льва Толстого. И когда русская династия очутилась в эмиграции, то у русской династии не оказалось ни копейки, никаких текущих счетов ни в каких иностранных банках. Другие династии о черном дне кое-как позаботились...

Но пока что мы с очень большой степенью точности переживаем судьбу нашей монархии: погибла она — гибнем и мы. Страшное убийство царской семьи было, так сказать, только введением в тридцатилетнюю работу ВЧК — ОГПУ — НКВД. Я никак не склонен ни к какой мистике; но вот эта тридцатилетняя работа — не является ли она каким-то возмездием за нашу измену нашей монархии, нашей Родине, нашему собственному национальному «я». Платим, впрочем, не мы одни: весь мир тонет в грязи и в свинстве, какие при наличии русской монархии были бы немыслимы вовсе, как немыслима была бы и Вторая мировая война. Русская революция была для Гитлера «указующим перстом Провидения», это именно она указала ему путь к войне, к славе и к виселице. Сколько людей, кроме Гитлера, видят в ней тот же указующий перст — и в том же направлении? Начиная от Милюкова и кончая теми еще даже и неневорожденными идеями, которые так скромно и так жертвенно собираются усесться на престоле русских царей.

Очень многие из моих читателей скажут мне: все это, может быть, и правильно, но какой от всего этого толк? Какие есть

шансы на восстановление монархии в России? И я отвечаю: приблизительно все сто процентов.

...Из всех доводов против монархии имеет самое широкое хождение такой: «А с какой же стати я, Иванов Самый Седьмой, стану подчиняться Николаю Второму?» Иванов Самый Седьмой забывает при этом, что, живя в государстве, он все равно кому-то подчиняется. Забывает и еще об одном: он подчиняется не Николаю Второму, а тому принципу, который в Николае Втором персонифицирован и которому Николай Второй подчинен еще в большей степени, чем Иванов Самый Седьмой. Царь есть только первый слуга монархии, и это очень тяжкая служба; пятьдесят процентов потерь за 116 лет! Нигде в мире, кроме России, такой службы не было, и нигде в мире, кроме России, люди не старались в меру юридической и моральной возможности отказаться от бремени Мономахова Венца. Обычно это было технически невозможно. Но когда появлялась лазейка — то вот Николай Павлович усердно присягал Константину Павловичу, а Константин Павлович столь же усердно присягал Николаю Павловичу. Можете ли вы себе представить такое же соревнование между Троцким и Сталиным?

По всему человеческому предвидению республиканская форма правления у нас невозможна никак. Для нее не было почвы в 1917 году, когда еще оставались земское и городское самоуправление, Церковь, буржуазия и прочее. Что останется для нее в 195? году? Совершенно атомизированная масса, которая если не пойдет за «веру, царя и отечество», то совершенно неизбежно влипнет в новый тоталитарный режим. И вовсе не потому, что в эмиграции имеются тоталитарные партии, а только потому, что единственным сырьем для какой бы то ни было «организации» в России окажутся остатки коммунистической партии и советской бюрократии. Если не будет монархии, то тогда к власти придут они. Они будут называть себя «советской интеллигенцией». Они будут «советской бюрократией». И всеми силами постараются воссоздать режим, который в наилучшей степени пристроит бюрократию, то есть тоталитарный режим. Настоящая угроза будущему России, если исключить внешние опасности, заключается только и исключительно в тех последышах ВКП (б), которые под всякими «национальными» и даже «демократическими» восклицательными знаками продолжают нынешнюю традицию ВКП (б) ...

Русское «самодержавие» было «куполом», под которым уживались чисто республиканская форма правления в Финляндии и чисто абсолютистская форма правления в Бухаре. Мирно потрясали кулаками перед самым носом друг у друга самые крайние монархисты вроде Пуришкевича и самые левые социалисты вроде Ленина: пускать в ход эти кулаки монархия не позволяла ни Пуришкевичу, ни Ленину. При монархии было хозяйство капиталистическое, но при той же монархии у нас был такой процент социалистического хозяйства, какого не было нигде в мире. Как нынче доказать м-ру Эттли, что Николай Второй был большим прогрессистом и даже социалистом, чем лидер английской рабочей социалистической партии?

Раньше всего условимся: если под национализацией, социализацией или социал-демократизацией чужих кошельков понимать истинный социализм, то ни Николай Второй, ни м-р Эттли социалистами не являются. Оба они с точки зрения чистого марксизма являются «социал-соглашателями». Эттли «национализует железные дороги». Николай Второй их скупал «в казну». М-р Эттли национализует Английский банк — русский всегда был государственным. Эттли проектирует бесплатное обучение — оно у нас при Николае Втором было уже фактически бесплатным. М-р Эттли заводит государственное хозяйство — такого государственного хозяйства, как при Николае Втором и в его время, ни у кого в мире не было, да, вероятно, нет и сейчас: были казенные заводы, казенные имения, было огромное земское хозяйство, были артели, кооперация, были церковные поместья, которые стояли на очень высокой технической ступени, и были «удельные имения», которые играли роль лабораторий для всего русского сельского хозяйства. Если под социализмом подразумевать «общественный сектор народного хозяйства», а не грабеж среди красного дня, то тогда с совершенной неизбежностью нужно будет сказать, что Николай Второй был не меньшим социалистом, чем м-р Эттли.

Если вам попадет моя книга «Диктатура импотентов», то вы, вероятно, установите тот факт, что я занимаю самый крайний фланг непримиримости по адресу всякого социализма. Но здесь я хочу констатировать то совершенно очевидное обстоятельство, что режим царской России давал свободу конкуренции всем людям и всем хозяйственным формам страны, и капиталистической, и земской, и государственной, и кооперативной, и даже

общинной. Я призываю людей следовать украинскому лозунгу: «Болим под Царя московского православного», ибо это есть единственно реальная, веками проверенная гарантия того, что мы и дальше не будем катиться — почти по Горькому: все вперед — и ниже, все вперед и ниже, как мы фактически катимся уже тридцать лет. Никакой иной гарантии нет. И все нынешние обещания стоят столько же, сколько нам уже обошлись все предшествующие. Давно забытый Автор сказал нам: «Берегитесь волков в овечьих шкурах — по делам их узнаете их». Сравните то, что нам обещали овечьи шкуры и сто, и пятьдесят, и тридцать, и десять лет тому назад — со всем тем, что сейчас реализовано и во Франции, и в России, и в Германии. Не верьте никаким обещаниям. Не стройте никаких галлюцинаций. Не слушайте никаких философов ни с какими писаными торбами: в этих торбах ничего, кроме спирохетов нет.

